Ю. Айхенвальдъ.

ИГО ИМУЩЕСТВА

МОСКВА.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „КОШНИЦА“.
1917.

Отпечатано въ типографіи кн-ва „Кошница“.

Нашъ міръ, какъ общественное цѣлое, представляетъ собою очень странное зрѣлище, и если бы его наблюдалъ какой-нибудь житель Марса или Венеры, то, по слову Метерлинка изъ его „Жизни пчелъ," онъ ничего бы не понялъ. Онъ увидѣлъ бы маленькія, одушевленныя точки (мы называемъ ихъ людьми). Среди этихъ существъ есть такія, которыя не „обнаруживаютъ, такъ сказать, никакихъ движеній. Они отличаются отъ другихъ болѣе блестящей

мастью и, часто большей дородностью. Они занимаютъ жилища, въ десять, двадцать разъ болѣе обширныя, затѣйливыя и богатыя, чѣмъ обыкновенныя помѣщенія. Они каждый день справляютъ тамъ пиры, которые длятся цѣлыми часами и затягиваются иногда далеко за полночь. Всѣ, приближающіеся къ нимъ, повидимому, ихъ весьма почитаютъ; такъ, разносчики съѣстныхъ припасовъ приходятъ изъ сосѣднихъ домовъ и даже изъ далекихъ деревень, чтобы дѣлать имъ подарки. Вѣроятно, они необходимы и оказываютъ своей общинѣ крайне важныя услуги, хотя наши способы изслѣдованія еще не позволили намъ съ точностью опредѣлить, въ чемъ, собственно, заключается сущность этихъ услугъ. Есть и другія существа; они, наоборотъ, не перестаютъ мучительно метаться въ большихъ клѣткахъ, загроможденныхъ колесами, въ темныхъ убѣжищахъ, около грузовъ или на маленькихъ квадратахъ земли, которую они

роютъ съ утренней зари и до заката солнца. Все заставляетъ предполагать, что этой лихорадочной дѣятельностью они отбываютъ за что-то наложенное на нихъ наказаніе. Дѣйствительно, ихъ помѣщаютъ въ тѣсныхъ лачугахъ, убогихъ и грязныхъ. Тѣла ихъ покрыты какою-то безцвѣтной ветошью. А рвеніе, съ которымъ они отдаются своей вредоносной или, по крайней мѣрѣ, безполезной дѣятельности, такъ велико, что они едва даютъ себѣ время поспать или поѣсть. Отношеніе ихъ числа къ количеству первыхъ равно тысячѣ--къ одному. Удивительно, какимъ образомъ такая порода могла продержаться до нашихъ дней—въ условіяхъ, столь не благопріятныхъ ея развитію. Мало того: несмотря на характерное упорство, съ какимъ они продѣлываютъ свою мучительную работу, видъ у нихъ — кроткій и безобидный, и для своего питанія они довольствуются объѣдками, которые остаются отъ трапезы тѣхъ первыхъ, избранныхъ

существъ, должно быть являющихся хранителями и даже спасителями расы"...

Такъ восприняли бы картину человѣческаго общежитія невѣдомые поселенцы Марса; но мы, здѣшніе, гораздо лучше разбираемся въ ней и почти къ ней привыкли. Я говорю „почти"—оттого, что не прекращающіяся попытки измѣнить соціальный строй все-таки сопровождаютъ исторію человѣчества, и совѣсти человѣчества общественная неправда покоя не даетъ. По крайней мѣрѣ, лучшіе изъ насъ противопоставляютъ печальной дѣйствительности такой порядокъ, при осуществленіи котораго справедливѣе распредѣлились бы земныя блага и ровнѣе были бы доли труда и досуга. Въ знаменитомъ стихотвореніи Генриха Гейне говорится о томъ, что старая пѣснь отреченія и самопожертвованія уже не удовлетворяетъ обездоленныхъ людей, и не утѣшаетъ ихъ больше обѣщаніе небесной награды, небеснаго царства, это старинное

баюшки-баю, которымъ убаюкиваютъ большого простака—народъ, когда онъ хнычетъ. „Я знаю эту пѣсенку, я знаю ея текстъ, я знаю также ея авторовъ; и то мнѣ извѣстно, что тайкомъ они пили вино, а публично проповѣдовали воду. Нѣтъ, друзья,—я спою вамъ новую пѣсню, я спою вамъ о томъ, какъ уже здѣсь, на землѣ, учредимъ мы царство небесное. Счастье будетъ у насъ здѣсь, на землѣ; довольно намъ терпѣть нужду, довольно лѣнивому брюху пожирать плоды работающихъ рукъ. На свѣтѣ растетъ достаточно хлѣба для всѣхъ сыновъ человѣческихъ, и не только хлѣба, но и миртовъ и розъ, красоты и веселья, а также и сладкаго горошка. Да, да, и сладкаго горошка для всѣхъ, какъ только лопнетъ зрѣлый стручекъ. Небо предоставимъ ангеламъ и воробьямъ, цвѣтущую землю—себѣ.“ Въ сущности, эти слова уже заключаютъ въ себѣ всю программу соціализма, символъ его вѣры. И поскольку соціа-

лизмъ протестуетъ противъ существующаго строя, постольку онъ неоспоримъ. Правъ соціализмъ или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ, неправа современная жизнь. Это-то ужъ навѣрное. Онъ привлекательнѣе, чѣмъ она. Быть можетъ, своихъ цѣлей онъ не достигнетъ, или есть къ нимъ и другія дороги, но самыя цѣли не возбуждаютъ сомнѣнія.

Устами короля Лира сказалъ Шекспиръ, что человѣку необходимо больше, чѣмъ необходимое. Если дать ему только то, безъ чего нельзя обойтись, то онъ упадетъ на степень животнаго. Человѣкъ, значитъ, начинается лишь тогда, когда утолены его основныя потребности. Мы нуждаемся въ ненужномъ. Всякому извѣстно, что, если приходится выбирать, то иной разъ предпочитаешь скорѣе потратиться на излишество, чѣмъ на предметъ первой необходимости. „И у нищаго есть свой избытокъ", говоритъ шекспировскій старецъ. Но, если такъ, то можно ли представить себѣ боль-

шее униженіе человѣческаго достоинства, человѣческаго величества, чѣмъ такое построеніе общества, при которомъ очень многіе не имѣютъ даже необходимаго? Нужда—обычное явленіе, и мы приглядѣлись къ нему; но было бы позоромъ для людей, если бы они разъ навсегда приняли и внутренне одобрили тѣ основы жизни, на которыхъ зиждется обездоленность массъ и обреченность неимущихъ. Соціализмъ, который эти основы хочетъ разрушить и стремится ввести новые принципы и порядки, имѣетъ за себя большую нравственную силу. Если бы человѣкъ представлялъ собою только фактъ природы и безстрастно числился, какъ и всѣ другія твари, въ ея живомъ инвентарѣ, то въ нуждѣ и нищетѣ, и въ гибели, которую онѣ съ собою несутъ, не было бы ничего противоестественнаго, потому что природа и есть культъ силы, а вовсе не правды; природа—борьба за существованіе,—а гдѣ борьба, тамъ гибель,

и гдѣ побѣдители, тамъ побѣжденные. Но вѣдь человѣкъ не просто стихійное существо, не просто одно изъ безчисленныхъ звеньевъ космической цѣпи: онъ еще—обладатель совѣсти и разума, homo sapiens, и вотъ эта его привилегія, эта его монополія въ мірѣ не позволяетъ ему принимать, какъ должное, соціальную невзгоду, бѣдность, голодъ и холодъ работниковъ. Соціализмъ обѣщаетъ все это уничтожить,—какъ же не отдать ему нашего вниманія и сочувствія? И пусть не смущаетъ насъ, что въ своихъ идеалахъ и обѣщаніяхъ онъ слишкомъ понятенъ, общедоступенъ и потому вульгаренъ: это само по себѣ противъ него еще не говоритъ, и мѣщанинъ—тотъ, кто опасливо страхуетъ себя отъ вульгарности.

Но соціализму часто предъявляется и то тяжкое обвиненіе, что онъ умаляетъ индивидуальность, принижаетъ ее, укладываетъ ее на Прокрустово ложе обязательнаго равенства, и поэтому опасенъ для культуры,

для искусства и науки, для высшихъ и свободныхъ цѣнностей вообще. И правда, для культуры нужна личность, цвѣты не терпятъ безцвѣтности, и если, слѣдовательно, при соціализмѣ все будетъ обезличено и обезцвѣчено, то онъ ничего не стоитъ, и за всеобщее матерьяльное благополучіе, за эту чечевичную похлебку, пришлось бы въ такомъ случаѣ заплатить всеобщимъ оскудѣніемъ духа,—на это человѣчество не пойдетъ, разумѣется, и идти не должно.

Вѣрно ли, однако, что ущербъ личности, а потому и культуры, непремѣнно и органически связанъ съ самой природой соціализма, именно того „утопическаго“ соціализма, который больше говоритъ сердцу, чѣмъ „научный“. Есть ли здѣсь внутренняя необходимость?

Что многіе приверженцы соціализма и многіе факты его движутся и лежатъ въ низинахъ пошлости и духовной тѣсноты,—этого оспаривать нельзя, и недаромъ еще

Марксъ не причислялъ себя къ марксистамъ; что соціализму вообще легко упасть въ подстерегающую его, если можно такъ выразиться, бездну плоскости, въ глубину поверхностности,—этого не замѣтитъ только естественная или преднамѣренная близорукость; что соціализмъ лишенъ трагической сердцевины, потому что соціализмъ, это—оптимизмъ, и оптимизмъ именно дешевый, не выстраданный большинствомъ его теоретическихъ исповѣдниковъ,—этого тоже не опровергнетъ никто.

Но отсюда еще не слѣдуетъ, что самая суть соціализма неизбѣжно ведетъ къ опошленію и опустошенію человѣческой особи, къ торжеству посредственности и убожества. Въ самомъ дѣлѣ, онъ пишетъ на своемъ знамени: „нѣтъ труда безъ досуга, нѣтъ досуга безъ труда"; онъ, значитъ, въ первой половинѣ этого лозунга заступается за досугъ,—за тотъ досугъ, безъ котораго нѣтъ искусства и науки. Выходитъ, такимъ

образомъ, что одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ соціалистической программы, 8-часовой рабочій день, какъ разъ и служитъ культурѣ, благопріятствуетъ ея процвѣтанію. Разсмотримъ это подробнѣе.

Жгучая тема 8-часового рабочаго дня имѣетъ не только спеціальный интересъ: она своими корнями уходитъ въ самую глубину человѣческой природы и вновь побуждаетъ задуматься о значеніи труда въ нашей трудной жизни. И какъ бы ни расцѣнивать практически требованіе рабочихъ о восьми часахъ, оно во всякомъ случаѣ идетъ на встрѣчу чаяніямъ нашей исконной психологіи. Глубокомысленная библейская легенда учитъ насъ, что первый человѣкъ не работалъ, не напрягался, а безпечно жилъ въ привѣтливыхъ садахъ Эдема, пользуясь гостепріимствомъ вселенной, и лишь потомъ, въ наказаніе за первородный грѣхъ, онъ былъ лишенъ счастья праздности и обреченъ на работу,—и съ тѣхъ поръ

люди, въ потѣ лица своихъ безчисленныхъ поколѣній, зарабатываютъ свой хлѣбъ насущный. Не знаменательно ли, что въ сознаніи человѣчества трудъ, это—кара, а не первоначальное и естественное состояніе разумнаго существа? Человѣкъ—гость Бога. Трудится же хозяинъ, а не гость. Высокому достоинству нашему, знатности нашего происхожденія соотвѣтствуетъ „праздность вольная, подруга размышленья", а вовсе не угрюмое труженичество. И то, что мы объ этомъ, о прирожденной безпечности своей, не помнимъ; то, что, наоборотъ, мы привыкли къ своему положенію рабочихъ воловъ и послушно впряглись въ ярмо, и даже прославляемъ красоту и величіе труда, цѣлуемъ карающій насъ бичъ,—это и есть результатъ понесеннаго нами отъ Божьей руки наказанія. Да, съ извѣстной точки зрѣнія, трудолюбіе совсѣмъ не достоинство, а только черта рабства, въѣвшаяся въ искаженное сердце человѣка за долгіе вѣка

его подневольной работы. Л. Н. Толстой болѣе, чѣмъ кто-либо, цѣнилъ трудъ, и многія страницы его произведеній какъ бы освящены дыханіемъ крестьянской страды; но и онъ высказалъ однажды проникновенную мысль, что если мы „по нравственнымъ свойствамъ своимъ не можемъ быть праздны и спокойны“ и тайный голосъ упрекаетъ насъ за лѣность, то именно въ этомъ, въ томъ, что намъ совѣстно быть лѣнивыми, и заключается наше проклятіе, наше наказаніе за грѣхопаденіе перваго человѣка. Какая-то аномалія, а вовсе не заслуга таится въ подобной настроенности людей. Душа когда-то дышала легко, и все на свѣтѣ было безплатно, и въ первичномъ обликѣ своемъ человѣкъ, по ученію Библіи, древній Адамъ, былъ безработный. И наша потребность въ отдыхѣ, наше страстное тяготѣніе къ нему объясняется въ конечномъ счетѣ какъ разъ тѣмъ, что духовной личности человѣка подобаетъ больше покой, чѣмъ трудъ, больше

игра, чѣмъ усиліе. И, чтобы не выходить за предѣлы религіознаго творчества, вспомнимъ, что и самъ Богъ отдохнулъ, опочилъ отъ трудовъ своихъ, и мы что-то не замѣчаемъ, чтобы онъ съ тѣхъ поръ свой великолѣпный покой когда-нибудь прерывалъ— „сномъ силы и покоя спятъ боги въ глубокихъ небесахъ"... Удивительно ли послѣ этого, если мы, созданные по высокому образу и подобію, но неизмѣримо слабѣйшіе, еще болѣе нуждаемся въ отдыхѣ и стремимся по возможности сократить свой рабочій, свой трудовой день, томительные часы своихъ напряженій? „Мы отдохнемъ... мы отдохнемъ"—мечтаютъ усталые путники жизненныхъ дорогъ и все утомленное человѣчество, Агасѳеръ труда.

Но природа, въ которой мы осуждены жить, требуетъ отъ насъ именно великой работы. Даромъ не дается ничто. Къ нашимъ услугамъ готовая земля, Божья земля, но воздѣлывать ее должны мы сами. Природа

инертна, покуда за нее не берется культура. Матерію, матерьялы естества надо претворить въ организованныя формы,--а для этого необходимъ сосредоточенный трудъ. И во многихъ отношеніяхъ культура есть не что иное, какъ работа. Вотъ почему самый процессъ исторіи и культурнаго развитія идетъ на перерѣзъ той органической нерасположенности къ работѣ, тому естественному нетрудолюбію первозданнаго человѣка, о которомъ я только что говорилъ. Въ раю не работаютъ, и душа работать не хочетъ; между тѣмъ исторія—барщина, тяжелый оброкъ, и на ея длинномъ протяженіи мы только и дѣлали, что зарабатывали себѣ и все достояніе, и цивилизацію свою, и свою духовную физіономію.

Изъ этого противорѣчія, изъ этого заколдованнаго круга европейская мысль искала разныхъ выходовъ. Въ лицѣ Руссо и его сторонниковъ она видѣла такой выходъ въ разлукѣ съ культурой и возвра-

щеніи на лоно природы, въ первобытное состояніе, туда, гдѣ, конечно, работаютъ, но работаютъ несложно, примитивно, стихійно, и откуда уже недалеко расположенъ тотъ ранній рай, въ которомъ обезпечены человѣку желанная праздность и царство легкой игры. А большинство мыслителей, трезво отворачиваясь отъ этой сказки и покинувъ грезы о потерянномъ и невозвращенномъ, и невозвратимомъ раѣ, учили, что золотой вѣкъ все-таки не позади, а впереди насъ, и что къ вожделѣнному отдыху, къ освобожденію отъ трудовой повинности, возложенной на хрупкія плечи человѣчества, путь идетъ именно черезъ ту культуру, которая въ большей части своего состава, какъ мы уже видѣли, и есть работа. Трудъ преодолѣвается трудомъ, какъ смерть попирается смертью. Къ обѣтованной землѣ отдыха можно прійти только дорогой безмѣрныхъ напряженій. Чтобы избавиться отъ кабалы и разбить цѣпи, прикрѣпляющія

насъ къ труду, брядающія въ трагическій ладъ нашей рабской работѣ, необходимо послѣднее огромное усиліе, могучая вспышка все того же труда,—и это усиліе будетъ освобождающимъ, и эта вспышка освѣтитъ для насъ горизонты новаго, уже неозабоченнаго существованія. Такой трудъ, достигающій своего предѣла и затѣмъ упраздняющій себя, одновременно апоѳеозъ работы и ея конецъ,—онъ создаетъ машины. Вотъ кому приличествуетъ работать,—имъ, стальной семьѣ бездушныхъ механизмовъ, а не одушевленному человѣку. Вотъ кого безъ зазрѣнія совѣсти можно отдавать въ рабство,—ихъ, матерьяльныя громады безчувственныхъ массъ, а не чувствующихъ и живыхъ людей. У машины—одно лишь тѣло, у человѣка—еще и душа. Тѣлу не грѣхъ поработать, душѣ же надлежитъ „легкое дыханіе." Прогрессъ къ тому и ведетъ, чтобы переложить работу съ человѣка на машину. Однажды созданная, она уже будетъ по-

корно дѣлать свое заказанное дѣло. Развитіе техники должно поставить всѣхъ на свое мѣсто и машинѣ указать черную работу, а человѣку—свѣтлое строительство духа. Ибо человѣкъ—творецъ, а не труженикъ. Техника возстановитъ нарушенныя возможности, откроетъ для творчества людского, парализованнаго работой, новыя перспективы и придвинетъ къ намъ безмятежные просторы отдыха. Техника освободитъ насъ въ значительной мѣрѣ отъ физическаго труда. Не то, конечно, чтобы этотъ трудъ самъ по себѣ былъ предосудителенъ и недостоинъ человѣческихъ рукъ; но горе въ томъ, что когда онъ беретъ человѣка цѣликомъ, то въ человѣкѣ умираетъ духовное существо. Физическій же трудъ, какъ спутникъ духовности, ей не вредитъ, ее только оттѣняетъ. Какъ говоритъ Ренанъ, слова „сапожникъ, столяръ исчерпываютъ всю сущность лица, указываютъ только на человѣческую машину, изготов-

ляющую обувь или мебель. Но попробуйте опредѣлить подобнымъ образомъ Спинозу, гранившаго оптическія стекла, или Моисея Мендельсона, служившаго приказчикомъ въ лавкѣ“.

Извѣстный французскій соціалистъ Лафаргъ недаромъ замѣчаетъ: „хлѣбопашество, столь многотрудное въ нашей доблестной Франціи, является въ западной Америкѣ пріятнымъ времяпрепровожденіемъ на открытомъ воздухѣ: Американецъ работаетъ сидя и лѣниво покуриваетъ при этомъ свою трубку.“ Можетъ быть, это странно звучитъ,—но именно къ такому покуриванію трубки на свѣжемъ воздухѣ, къ такой возможности лѣниваго времяпрепровожденія, и должна привести насъ развивающаяся культура. Вѣдь это—предразсудокъ, будто одинъ трудъ, одно прилежаніе воспитываетъ нашъ нравственный міръ. Всѣ дурныя черты, обыкновенно характеризующія празднаго человѣка, вовсе не обязательны для него, не яв-

ляются безусловной необходимостью. Можно, и не работая, представлять собою высокоморальную личность. Бѣлоручка не долженъ непремѣнно обладать темной душою. Еще разъ скажу: человѣку не трудъ къ лицу, а творчество. Надо не оставлять въ бездѣйствіи своего тѣла и своей души, надо развивать свой тѣлесно-духовный организмъ,— но это осуществляется не работой, а игрой, въ самомъ широкомъ и философскомъ, въ шиллеровскомъ значеніи послѣдняго слова. Подъ игрою будемъ понимать трудъ въ удовольствіе, трудъ безъ труженичества и принужденія, способный настолько заинтересовать и взволновать, что въ этомъ качествѣ своемъ, т. е. какъ трудъ именно, онъ уже больше и не ощущается. Подъ игрою будемъ понимать свободное и граціозное движеніе силъ, отсутствіе томительной связанности, художественное творчество. Вѣдь человѣкъ—именно художникъ, вольный художникъ, и чѣмъ больше у него до-

суга, тѣмъ беззавѣтнѣе можетъ онъ отдавать себя искусству, какъ въ эстетическомъ смыслѣ, такъ и въ смыслѣ того болѣе общаго и обширнаго искусства, которое заключается въ строительствѣ міра. „Вольный сынъ эѳира,“ человѣкъ хочетъ какъ разъ вольности и покоя.

Георгъ Зиммель въ видѣ шутки построилъ такую схему исторіи, согласно которой вся культура движется порывомъ къ лѣни и весь прогрессъ заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ неуклонномъ возрастаніи промежутковъ отдыха между концомъ одной работы и началомъ другой; чѣмъ рѣже цѣпь трудовыхъ звеньевъ, тѣмъ это естественнѣе и угоднѣе для насъ. Эта философская шутка, остроумно развиваемая Зиммелемъ, на самомъ дѣлѣ содержитъ въ своей парадоксальной оболочкѣ серьезную истину. Развѣ поступательный ходъ исторіи не сводится и вправду къ раскрѣпощенію человѣка,—между прочимъ, къ раскрѣпо-

щенію и отъ цѣпкихъ лапъ труда? Развѣ не замѣчается, дѣйствительно, усиливающееся накопленіе досуга? Развѣ борьба за достойное существованіе не является протестомъ противъ работы? И не слѣдуетъ огульно и безповоротно осуждать лѣнь. Во-первыхъ, она естественна; именно о н а естественна, а не ея антиподъ—прилежаніе; сосредоточиться трудно, разсѣяться легко; всяческая педагогика, не только въ школьныхъ стѣнахъ, но и на разныхъ поприщахъ жизни вообще, потому и воюетъ съ невнимательностью и разсѣянностью малыхъ и большихъ питомцевъ, что наше природное свойство, наше обычное состояніе—лѣнь; и что́ въ природѣ сила инерціи, то въ душѣ—сила лѣности. Во-вторыхъ, лѣнь можетъ быть, правда, тяжелой, безрадостной, опустошающей умъ и сердце; но она можетъ быть и легкой, изящной и тонкой, dolce far niente.

А самое главное—то, что человѣкъ долженъ не только дѣлать. Особая обида нашей

жизни состоитъ въ томъ, что мы этой жизни вовсе не замѣчаемъ. Всегда торопливые, мы точно бѣжимъ черезъ нее, впопыхахъ, безъ оглядки, суетимся, работаемъ, возводимъ свои муравьиныя постройки, отдаемся неусыпной практикѣ своей, спѣшимъ, и у насъ уже не остается времени, для того чтобы разобраться, оглядѣться, о своемъ существованіи поразмыслить. Намъ некогда. Сутолока нашей профессіи, злоба дня и его ненасытныя потребности подхлестываютъ насъ, какъ бичемъ, и отвлекаютъ отъ мыслей о важныхъ и вѣчныхъ запросахъ бытія. Живя въ мірѣ, мы зачастую лишены міросозерцанія. Только къ землѣ обращены глаза наши, а не къ звѣздамъ. И мы не культивируемъ въ себѣ того, что составляетъ нашу человѣческую особенность: мы оставляемъ въ небреженіи свой духовный міръ. Питать долгія думы, уходить въ глубину своихъ чувствъ, молиться во внутренней храминѣ своей души, мечтать и

творить—на все это мы неспособны, оглушенные, затормашенные, съ толку сбитые неугомонной работой и заботой повседневности. Между тѣмъ, такое сплошное пребываніе въ одномъ только внѣшнемъ является оскорбленіемъ человѣческаго величества, приниженіемъ духовной личности, ограбленіемъ ея лучшихъ сокровищъ. Вѣдь надо же себя и міръ понять, надо же сознательно отнестись къ дѣйствительности, вѣдь надо вѣкъ учиться, если вѣкъ живешь,--а для этого нужны значительные перерывы въ работѣ, частые привалы на трудовомъ пути, праздники среди будней. Не напрасно взывалъ когда-то нашъ великій Толстой къ „недѣланію.“ Онъ этимъ не проповѣдовалъ лѣни и праздности, не ослаблялъ нашей энергіи: онъ требовалъ только, чтобы мы наконецъ оглянулись на себя и о себѣ подумали, а не уходили съ головою въ дурманъ дѣла, не механизировали своего идеальнаго существа, не измѣняли сво-

ему высокому назначенію. Душа безъ досуга, душа въ плѣну у дѣла, душа-рабочая или рабыня: такое зрѣлище безотрадно и оскорбительно. Ибо, въ сущности, человѣкъ начинается только тогда, когда онъ кончаетъ работать. Покуда человѣкъ работаетъ, онъ меньше самого себя, онъ равенъ машинѣ. Какъ работникъ, онъ замѣнимъ— именно ею, машиной; какъ праздный, онъ никѣмъ не замѣнимъ. Работа—средство, цѣль—досугъ. Дѣлу—время, потѣхѣ—часъ, но тратится время ради этого часа. Ради отдыха только и работаютъ. Есть книги, которыя ждутъ, чтобы мы ихъ прочитали; есть мысли, которыя настаиваютъ, чтобы мы ихъ продумали; есть духовныя занятія, которыя зовутъ, чтобы мы къ нимъ пріобщились. И на развлеченія и наслажденія тоже имѣетъ всякій свое законное право. Если не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ, то еще менѣе живъ онъ о той работѣ единой, которая ему этотъ хлѣбъ даетъ. И голову,

склоненную надъ работой, необходимо поднять, чтобы увидѣть наконецъ солнце и вдохнуть въ себя вольный воздухъ Божьяго міра.

Вотъ почему соціалистическое требованіе восьмичасового рабочаго дня—требованіе скромное. Придетъ время, когда восемь часовъ подневольныхъ усилій покажутся чрезмѣрно большою долей труда. Восемь часовъ, это—много. Нужно столько труда, сколько мы хотимъ. При этомъ условіи можно работать и гораздо больше восьми часовъ, но тогда это будетъ уже не трудъ, а творчество, не напряженіе, а игра, не рабство, а свобода. Какъ путь къ освобожденію, какъ ступень на той лѣстницѣ, которая своей вершиной имѣетъ человѣка не трудящагося, а царственно спокойнаго и мыслящаго, какъ предвареніе отдыха человѣческаго, надо привѣтствовать лозунгъ восьми часовъ, и всякій изъ насъ долженъ способствовать его осуществленію, какъ и

дальнѣйшему уменьшенію обязательныхъ рабочихъ часовъ. Жизнь коротка, времени у насъ мало,—не будемъ же непроизводительно тратить его на работу. Производительнѣе трата на свободу. И нужно, чтобы на свѣтѣ было не только справедливое распредѣленіе труда, но и справедливое распредѣленіе отдыха. Впрочемъ, одно связано съ другимъ.

Итакъ, соціализмъ уже тѣмъ содѣйствуетъ искусству и культурѣ, что хочетъ для рабочихъ массъ возможно больше свободнаго времени,—а изъ свободнаго времени можетъ родиться творческая свобода вообще, сильная и тонкая личность. Этимъ и объясняется, что на водвореніе соціализма возлагаютъ пламенную надежду и такіе мыслители, которые являются не только цѣнителями идеальныхъ цѣнностей, но и ихъ создателями. Герценъ, напримѣръ, духовный аристократъ и эпикуреецъ, иныя вещи, творенія искусства, цѣнившій больше иныхъ людей, въ то же

время былъ убѣжденный соціалистъ. „Я не жалѣю—писалъ онъ— о двадцати поколѣніяхъ нѣмцевъ, потраченныхъ на то, чтобы сдѣлать возможнымъ Гете, и радуюсь, что псковскій оброкъ далъ возможность воспитать Пушкина... Но рабочій не желаетъ больше работать на ближняго своего, — и въ этомъ предѣлъ людоѣдству, въ этомъ конецъ аристократіи". И аристократъ Герценъ привѣтствовалъ конецъ аристократіи, ему способствовалъ.

Для творчества нужна личность, и всѣ творцы—индивидуалисты, потому что они индивидуумы, потому что они—личности по преимуществу. Казалось бы, что поэтому они должны бы быть страстными врагами соціализма; между тѣмъ, дѣло часто обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Нѣтъ бо́льшаго индивидуалиста и эстетика, чѣмъ знаменитый Оскаръ Уайльдъ; и однако онъ воспѣлъ когда-то восторженный гимнъ соціализму. Въ послѣднемъ увидѣлъ онъ именно на-

иболѣе мощный оплотъ для личности. Съ точки зрѣнія Уайльда, при капиталистическомъ строѣ личность не можетъ развиваться, потому что на ней лежитъ одно изъ двухъ бременъ: либо избытокъ вещей (богатство), либо ихъ отсутствіе (бѣдность). Въ самомъ дѣлѣ, современная жизнь заставляетъ цѣнить человѣка глядя по количеству его вещей, или ихъ символовъ (денегъ). Человѣка заслонили вещи. Въ нихъ потонулъ онъ, или, по крайней мѣрѣ, вещи будто заслонили его; живыхъ людей смѣшиваютъ съ тѣми мертвыми предметами, которыми они владѣютъ. Обстановка выдвинулась на первый планъ, личность отошла назадъ. И за то, что мы такъ привязались къ вещамъ, насъ постигло достойное возмездіе: мы стали не только хозяевами, но и рабами вещей; онѣ насъ закрѣпостили, помѣшали легкости нашихъ передвиженій и грузными оковами повисли на нашихъ ногахъ. „Omnia mea mecum porto“—этотъ

девизъ бѣдности и гордости кто можетъ теперь начертать на своемъ щитѣ? Плѣнникъ предметовъ, ими связанный владѣтель, умѣетъ ли современный культурный человѣкъ обходиться безъ цѣлаго багажа вещей? И вотъ, среди нихъ потерявъ себя или самъ сдѣлавшись одушевленной вещью, но зато мертвой душою, онъ вдобавокъ это сомнительное свое преимущество, этотъ комфортъ свой, покупаетъ на чужой счетъ и, забравъ себѣ на дорогу слишкомъ много клади (и часто притомъ совершенно ненужной),— у другихъ отымаетъ необходимое. Для того чтобы самому стать собственникомъ безъ собственности (т.-е., повторяю, промѣнять на вещи самую душу свою, нравственное лицо свое), онъ долженъ похищать у сосѣдей, эксплоатировать чужой трудъ, уводить, какъ въ древней притчѣ, послѣднюю овцу бѣдняка. Молодой король въ сказкѣ Оскара Уайльда очень любилъ роскошь и пышныя ткани,—да и кто ихъ не любитъ,

кто, по меньшей мѣрѣ, не любуется ими?.. Но король этотъ, въ отличіе отъ многихъ изъ своихъ коллегъ по коронѣ, былъ совѣстливъ; и оттого онъ глубоко и скорбно призадумался, когда въ вѣщемъ сновидѣніи узналъ, душою узналъ, что, кромѣ тканей, есть и ткачи — эти гауптмановскіе ткачи, страдальцы подневольнаго труда, и что жемчужины для его вѣнца достаютъ негры-водолазы, погружающіеся для этого въ глубину океана и часто оттуда уже не подымающіеся. И такъ проходятъ вѣка, и все живутъ рядомъ эти вѣчные сосѣди, — два брата, правда, но „одного изъ нихъ, богатаго, завутъ Каинъ“. Многіе уже привыкли къ этой картинѣ и думаютъ, что иначе и быть не можетъ. Но какъ отказаться міру отъ мечты о побѣдѣ справедливости надъ стихіей? Пусть неравенство—въ самой природѣ; однако вовсе мы не обязаны и не принуждены слѣдовать ей одной, и развѣ это не наше дѣло идти дальше природы, ее

воспитывать, учить уму-разуму? Природа— наша мать; но дѣти всегда мать перерастаютъ, и хорошая мать этому только радуется.

Богатство, неправое стяжаніе, можетъ заглушить тѣ силы, которыя способна была бы развить въ себѣ личность, если бы ей нужно было за себя бороться, себя отстаивать,—въ борьбѣ обрѣтаешь ты не только право свое, но и самого себя. Иные и думаютъ, что бѣдность сама по себѣ не только не мѣшаетъ выявленію творческихъ возможностей, но и способствуетъ ему. Такъ, Ромэнъ Ролланъ вполнѣ принимаетъ слова Гете, что тѣ не чуяли вышняго наитія, кто не орошалъ хлѣба своего слезами своими. Для Роллана художникъ непремѣнно долженъ быть бѣденъ. Если его не пришпориваетъ нужда, если работа для него не источникъ заработка, если подспорьемъ къ искусству не служитъ ему ремесло, онъ рискуетъ превратиться въ дилеттанта. Богатство—

болѣзнь (какъ, по замѣчанію Гейне, жемчугъ—болѣзнь улитки); оно—исключеніе изъ того космическаго правила, въ силу котораго міръ вообще есть работа. Бѣдный, говоритъ Ролланъ, ближе къ землѣ, чѣмъ богатый; нужно по землѣ ходить пѣшкомъ, чтобы ощутить свое происхожденіе отъ ея материнскихъ нѣдръ, чтобы почувствовать себя сыномъ ея; а художникъ—именно сынъ стихіи, первенецъ ея, и, значитъ, въ бѣдности есть для художника какая-то предустановленная необходимость. Одинъ молодой бельгійскій писатель рѣзко возсталъ противъ тѣхъ, кто предлагалъ давать литераторамъ общественныя или частныя субсидіи. „Кто говоритъ о литературѣ—писалъ онъ—тотъ не говоритъ о хлѣбѣ, а тотъ, кто говоритъ о хлѣбѣ, не говоритъ о литературѣ. Понятіе „хлѣбъ“ и понятіе „литература“—совершенно различнаго порядка. Правило: primum vivere, deinde philosophari—нелѣпость, когда рѣчь идетъ о литера-

турѣ.—А если литераторъ умретъ съ голоду?—Все равно, пустъ умираетъ съ голоду. Это не имѣетъ никакого отношенія къ литературѣ и никогда не мѣшало созданію геніальныхъ произведеній. Я, пожалуй, даже не прочь прибавить: наоборотъ“...

Правильно это или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ, при соціализмѣ не будетъ ни того полнаго отсутствія труда у однихъ, ни того чрезмѣрнаго труда у другихъ, которые, при современномъ строѣ, одинаково ведутъ людскія массы къ бѣдности. Если соціализму нужно, чтобы не было труда безъ досуга, то, какъ мы уже видѣли, ему не въ меньшей степени нужно, чтобы не было досуга безъ труда. Очевидно, на долю каждаго, на плечи каждаго достанется труда не много. И соціалистическія ученія обѣщаютъ, что художникъ и вообще творецъ высшихъ культурныхъ цѣнностей не будетъ запряженъ въ такую работу, которая ему не по душѣ, которая далеко лежитъ отъ сферы его ду-

ховныхъ интересовъ и дарованій. Не уничтожить трудъ, а ввести его въ опредѣленное русло, создать для всѣхъ право на лѣнь, право на отдыхъ, — объ этомъ заботится соціализмъ, и для достиженія своихъ цѣлей онъ долженъ такъ ограничить частную собственность, что вообще исчезнутъ и сгинутъ теперешнія категоріи богатства и бѣдности. Это различеніе останется только въ памяти человѣка, и не добромъ будутъ поминать его. И если теперь однимъ изъ стимуловъ къ творчеству (которое нужда поощряетъ) служитъ потребность въ собственности (что безкорыстной основы творчества все-таки не колеблетъ), то соціализмъ этотъ стимулъ ослабитъ постольку же, поскольку онъ сократитъ или даже совсѣмъ заглушитъ частную собственность, засиліе вещей. Но тогда не будетъ ли парализовано и одно изъ самыхъ мощныхъ побужденій къ творчеству? Не понизится

ли температура человѣческой дѣйственности вообще?

Надо мало вѣрить въ человѣка, чтобы это думать и этого бояться. Освобожденный отъ заботы о вещахъ, онъ въ себѣ самомъ, въ предѣлахъ своего внутренняго міра, услышитъ зовы, влекущіе его къ духовной работѣ, къ созиданію культурныхъ цѣнностей. Индивидуальность его будетъ очищена отъ тѣхъ наносовъ и искаженій, которыми теперь уродуютъ его аномаліи общественнаго строя, или нестроенія. Интимнѣе, тоньше, чище станутъ всѣ его стимулы. Не прекратится борьба за существованіе, вѣчная какъ природа, но это уже будетъ борьба за существованіе д у х о в н о е. Не то, что человѣкъ имѣетъ, а то, что онъ есть — вотъ какая цѣнность будетъ первой и главенствующей въ жизни новаго общества. Соціализмъ вернетъ индивидууму индивидуальность. Капитализмъ ее извращаетъ, соціализмъ обнаружитъ ея под-

линную и глубочайшую суть. Обязательность труда при соціализмѣ компенсируется непродолжительностью труда, благодаря которой личность и сумѣетъ и успѣетъ раскрыть себя всю, изъ своихъ природныхъ матерьяловъ создать свое стильное единство, сказать въ міровомъ разговорѣ свое особое слово. Инстинктъ собственности очень силенъ; но можно его перенести въ другую плоскость,—можно направить его въ ту сторону, гдѣ его утоляетъ собственность внутренняя, душевная, завѣтная, гдѣ важнѣе имѣть что-нибудь за душой, чѣмъ внѣ ея, гдѣ не столько привлекаетъ „моя“ вещь, сколько „моя“ мысль и чувство. Сокрушивъ авторитетъ вещи и вещественности, не раскроетъ ли этимъ соціализмъ доступа въ царство духовнаго строительства и драгоцѣннѣйшей культуры?

Хочется вѣрить, что соціализмъ—не матеріализмъ; что болѣе справедливое распредѣленіе вещественныхъ благъ не дастъ лю-

дямъ самодовольно успокоиться, а, наоборотъ, приблизитъ ихъ къ сокровищницѣ спиритуальныхъ даровъ; что, устроившись на землѣ, они тѣмъ болѣе заинтересованно отнесутся къ небу. Торжество пролетаріевъ возможно лишь при томъ условіи, конечно, если они не будутъ пролетаріями духовными.

Въ механическую и жестокую роспись природы соціализмъ стремится внести очень существенныя поправки. Врагъ неравенства, онъ мечтаетъ о великой собирательной работѣ, о сплоченіи силъ и орудій, о содружествѣ людей. Онъ хочетъ объединить средства, чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣлей: вѣдь всякое общественное устроеніе, это—лишь средство, а цѣли находятся въ области духовнаго бытія. Онъ сулитъ оградить права отдѣльнаго лица и позволить всякой личности выпрямиться во весь ея ростъ. Онъ думаетъ разрушить тѣ условія, при которыхъ человѣчество чувствуетъ себя

ограбленнымъ. Ибо, подавленное бѣдностью, изнуренное и неблагообразное, оно стелется какою-то сѣрой и однотонной пеленою, солдатскимъ сукномъ, и всякій изъ насъ слишкомъ похожъ на другого. Нивелируетъ бѣдность, нивелируетъ и богатство; и первое и послѣднее имѣетъ свой ранжиръ, свой шаблонъ, свою бездушную мѣрку. Гнетущій режимъ вещи, ея изобилія или ея отсутствія, наводитъ на міръ уныніе и превращетъ въ пустыню то, что могло бы быть цвѣтущимъ садомъ человѣчества. Въ одной сказкѣ Уайльда цвѣты, гордые своей осѣдлостью, презираютъ птицъ за то, что у нихъ нѣтъ постояннаго адреса... даже цвѣты бываютъ буржуазные. Удивительно ли, если наличность вещи, какъ мѣрила достоинствъ, если грузъ предметовъ и тяжеловѣсное золото, отраженно тяжеловѣсное и для тѣхъ, кто его не имѣетъ,— если все это превращаетъ въ буржуа насъ, людей, и безъ того мало похожихъ на лег-

кіе и праздные цвѣты? Тяжесть богатства и тяжесть бѣдности, одинаковыми гирями повисая на крыльяхъ духа, задерживаютъ ростъ и расцвѣтъ человѣчества. Не расцвѣтитъ ли его соціализмъ, не вызоветъ ли онъ къ жизни личныя краски и оттѣнки, и ярче загорится у каждой особи особое имя и особая душа? Когда не будутъ, какъ теперь, накоплять вещей (надо не имѣть, а быть), когда изъ-подъ личины богатства или бѣдности выглянетъ истинное лицо человѣка, когда величайшая изъ революцій ниспровергнетъ власть вещей, тогда лишь человѣчество начнетъ жить какъ слѣдуетъ (пока оно только прозябаетъ), тогда лишь воцарится дѣйствительная культура.

Не соціализмъ, какъ узкая теорія, а соціализмъ, углубленный и одухотворенный, понятый какъ освобожденіе отъ ига имущества, какъ метафизика, идущая противъ физики, т. е. какъ крестовый походъ противъ инстинкта собственности,—вотъ что вдохно-

вляетъ и обнадеживаетъ въ общественной борьбѣ. И если такой соціализмъ побѣдитъ, то человѣка ожидаетъ духовное „завтра", а только ради него и стоитъ жить, ради этой свѣтлой манящей даты міроваго календаря. Да придетъ же, да не замедлитъ своимъ приходомъ благословенное „завтра"! Человѣчество слишкомъ изстрадалось въ его ожиданіи, слишкомъ недовольно своимъ „сегодня"...